

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.4.179

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И НАРРАТИВ: Р.ДЖ. КОЛЛИНГВУД И Л.О. МИНК¹

К.В. Ануфриева

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья сфокусирована на рассмотрении проблемы взаимосвязи исторического опыта и нарратива в философском наследии Р.Дж. Коллингвуда и Л.О. Минка. Обращаясь к наследию Коллингвуда, автор показывает фундаментальное отличие его подхода к историческому опыту от способа его видения, сложившегося в философии Г.В.Ф. Гегеля. Отказываясь под влиянием Б. Кроче от субстанциалистского способа гегелевского теоретизирования, Коллингвуд подчеркивает, что исторический опыт есть процесс рефлексивного осмысления абстрактных мыслительных оснований определенных стадий исторического развития на пути его конкретного воспроизведения как целостной тотальности в перспективе настоящего. Теория априорного исторического воображения и утверждение значимости для смылосозидающей деятельности историка идеи истории, задающей целостную перспективу видения минувшего, составляют базис теории исторического повествования Коллингвуда. Синтезируя идеи Л. Витгенштейна и Коллингвуда, Минк создает оригинальный вариант трактовки единства исторического опыта и повествования. В статье показано, что предложенное им видение исторического опыта исходит из единства в его контексте восприятия явлений настоящего, представлений памяти и работы априорного воображения. На базе собственной теории понимания, Минк предложил оригинальную интерпретацию исторической наррации как формы деятельности априорного воображения. В границах аналитической философии истории он утверждает значимость идеи истории, возможность продуктивной роли критической метафизики для постижения минувшего в свете настоящего.

Ключевые слова: исторический опыт, нарратив, неогегельянство, лингвистическая философия, априорное воображение, логика вопроса и ответа, идея истории.

Введение

Рассмотрение вопроса о природе исторического опыта и его роли в постижении минувшего занимает центральное место в наследии Р.Дж. Коллингвуда. Вслед за Б. Кроче этот автор предпринял попытку критики геге-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ «Постклассическая западная философия истории: исторический опыт и постижение прошлого» № 20-011-00406-А.

левского учения в духе пересмотра его панлогистской и системосозидающей базы, одновременно выдвигая на первый план рефлексивное саморазвитие духовной основы истории, воплощенное в попытке постигнуть минувшее, актуализируя его сквозь призму настоящего. В центре его внимания находится творческое воображение историка, «проигрывающее» прошлое в горизонте настоящего, пытающееся восстановить минувшее в смысловом единстве идеи истории. Наследие Коллингвуда содержит новую интерпретацию гегелевского учения, делая его созвучным эпистемологическим исканиям британской аналитической философской мысли. Именно поэтому Коллингвуд является автором, востребованным в формате англо-американской философии истории, сфокусированной на выяснении особенностей взаимосвязи исторического опыта и нарратива. Конечно же, при этом трактовка Коллингвудом исторического опыта и нарратива была истолкована в формате инструментария и подхода, которые присущи лингвистической философии. Среди представителей аналитической мысли одним из первых обратился к осмыслению ее в ключе британского мыслителя американский философ Л.О. Минк, чьи сочинения стали весьма популярными среди теоретиков континентальной и англо-американской историософии, способствуя их сближению в трактовке соотношения исторического опыта и нарратива. Попытаемся рассмотреть специфику прочтения Минком учения Коллингвуда о взаимосвязи исторического опыта и повествования.

Л.О. Минк о трактовке Р.Дж. Коллингвудом специфики исторического опыта

В философии Г.В.Ф. Гегеля прочтение проблемы исторического опыта было неразрывными узами связано с присущим его теоретизированию способом системосозидания, наложившем свой неустрашимый отпечаток на истолкование им целостности исторического развития человечества. Чтобы понять гегелевский подход к вопросу об историческом опыте, необходимо отправляться от исходных моментов его пантеистической и одновременно панлогистской установки, определяющей весь строй созданной им системы, всех ее интегральных частей. Для Гегеля мир вырисовывается как поэтапное саморазвертывание его единого начала – Абсолютной идеи, чей способ созидания всего наличного многообразия, существующего в природе и истории подчинен всепроникающей логике. Эта логика была, как полагал Гегель, рефлексивно раскрыта его мыслительным усилием и предстала в границах его учения как стройная система, описывающая диалектический «механизм», по лекалу которого выстроено мироздание в его единстве и целостности, объединяющем многообразии сущего. Логический строй «абсолютного идеализма» гегелевского типа завершает тот тип теоретизирования, который берет свое начало в размышлениях элеатов, Платона и Аристотеля. Однако при этом он предполагает динамическое самораскрытие Абсолюта в природном и историческом ареалах, резюмирует таковое.

Отсюда и триадичное строение гегелевской системы – поэтапное восхождение от Логике к философии природы и Духа. Понятно при этом, что опыт истории будет неперменным свойством саморазвития абсолютной субстанции субъект-объект, когда она после логической «возгонки» до предела своих имманентных возможностей и движения в незнающей временного развития природе переходит к диахронии общественной жизни, телеологически ориентированной на достижение свободы. Опыт истории, по Гегелю, не может быть чем-либо иным, нежели опытом поэтапного восхождения Духа к свободе.

Гегелевская философия истории, по мысли ее создателя, должна быть своеобразным философским резюме опыта странствий Духа на ниве всемирной истории. «Дух есть история, и каждый народ воплощает в себе особенную ступень, которой достигло его сознание» [3, с. 482–483]. Хотя Гегель и был воодушевлен идеей присутствия разумно-логического начала в царствах природы и истории, он одновременно отчетливо осознавал то обстоятельство, что в диахронии человеческих деяний страсть сопутствует самодвижению Духа, а проявления индивидуальной воли, ее неповторимые побудительные силы, интересы и мотивы деяний людей неповторимы и накладывают свой отпечаток на происходящие события, их уникальный облик. Дух впитывает опыт неповторимости собственной исторической самореализации, но одновременно при постулируемой открытости будущему «запрограммирован» целью воплощения свободы и питает имманентной ему диалектической логикой. Эти два полярных момента гегелевской мысли не могут уйти от противостояния друг другу. Гегель, размышляя о собственных ориентирах постижения истории, обещал своим читателям и поклонникам по-новому, отринув традиционные схемы, представить непредвзятые размышления о развитии человечества в духе философской истории (см: [2, с. 9–12]). Это обещание означало возможность внимания ко всему сугубо неповторимому, рожденному кипением человеческих страстей и порывов, о которых он любил говорить и писать. Сдержал ли свое обещание немецкий мыслитель? Увы, его философская системная платформа привела к радикально противоположным результатам: в построениях Гегеля представлен наиболее исчерпывающе классический субстанциалистский стиль историософского теоретизирования, пропитанный монолизмом, линейно-прогрессистской и европоцентристской установкой, что, разумеется, существенным образом повлияло и на его решение проблемы исторического опыта. Он так или иначе вырисовывается как вписывающийся в схематику гегелевского триумфального саморазвертывания субстанции субъект-объект по пути к свободе на ниве всемирной истории.

Подобно Б. Кроче, Р.Дж. Коллингвуд оказался одним из наиболее последовательных критиков гегелевского системосозидания, его панлогизма и внутренней догматической архитектоники. Как и у Кроче, в его построениях диалектика саморазвертывания духовного начала в истории не имеет телеологической запрограммированности обязательного торжества

свободы, которую всегда надо отстаивать и защищать от желающих покончить с ней в пользу монополюбно утверждающей себя власти (см: [4, с. 54–64]). Отсюда и противоположное прочтение им многообразия порождения и аккумуляции форм исторического опыта, который «проигрывается» в историческом воображении, способном узреть с позиции настоящего интересующий исследователя фрагмент минувшего в кадре единства идеи истории.

Следуя гегелевскому положению о том, что дух и есть история, Коллингвуд был заинтересован именно процессом постоянной деятельной самообъективации духовного начала, его устремленностью на творческое самопорождение путем синтетического осмысления своих прошлых уникальных состояний и помещения их в единство временного потока, соединяющего прошлое и актуальное состояние. Естественно, что акцент на примате уникального в контексте незапрограммированного саморазвертывания духовной тотальности во времени от прошлого к настоящему и радикально открытому будущему порождал критическое восприятие Коллингвудом несостоятельности гегелевского обещания создать философскую историю.

Комментируя гегелевский замысел создания философской истории, Коллингвуд пишет, что «философская история для Гегеля – не философские раздумья над историей, а сама история, поднятая на более высокую ступень и ставшая философской в отличие от чисто эмпирической, т. е. история не просто устанавливающая факты, но понимающая их, познающая причины того, что эти факты произошли именно так, как они произошли [6, с. 110]. Такая история представлялась Гегелю, как акцентирует Коллингвуд, всеобщей историей. Однако этот замысел, по мысли британского автора, не мог состояться, ибо он логизирует развитие Духа в истории, подчиняя его диалектической схематике запрограммированного его движения к финальной цели торжества свободы. «Ничто в гегелевской философии, – резюмирует Коллингвуд, – не вызывало больших возражений и враждебной критики, чем эта идея истории как логического процесса, развивающегося во времени, и мысль о возможности его априорного познания» [6, с. 113]. Все многообразие исторического опыта «угасает» в логическом препарировании и схемосозидании подобного типа.

Обращаясь к коллингвудианскому прочтению историософии Гегеля, Л.О. Минк полагал, что именно такой взгляд на проблему исторического опыта раскрывает его потенциал для понимания единства минувшего и настоящего в мыслительной активности историка. В отличие от Гегеля, Коллингвуд не исходит из описания многообразия исторического опыта в перспективе заранее известного финала и логики его достижения в диалектическом ключе. Опыт в целом понимается им, как подчеркивает Минк, как единство интуитивно-чувственного и концептуального компонентов [12, р. 33]. При этом он не исключает различных способов их единства, лежащих в основе многообразия форм опыта. Исторический опыт в коллингвудиан-

ском прочтении вырисовывается, по Минку, как постоянная реконцептуализация интуитивно-чувственного компонента во времени, являющаяся одновременно достоянием индивидуального субъекта и сообщества людей. Очевидно, что в подобном прочтении исторического опыта сочетаются идеи И. Канта и его критиков из числа представителей неокантианства и философии жизни, а также крочеанский подход к этому сюжету. В любом случае, опыт предполагает возможность трансформации во времени в плане синтеза меняющейся ткани интуитивно-чувственно данного и концептуального слоев, задающих аккомпанемент событийных цепей, которые вновь и вновь подлежат рефлексивному осмыслению. Его динамика задана, как говорил Коллингвуд, тем, что история предстает как «мысль о мысли», как непрерывная рефлексивная обработка наличного состояния, раскрытие его внутренних смысловых потенций. В свою очередь, новая событийность едина и иницируема непредсказуемой мыслительной работой с материалом опыта. Читая Коллингвуда, Минк показывает единство онтологии предметного существования с рефлексивно-познавательной, аксиологической и праксиологической сторонами исторического опыта.

Для Коллингвуда, как подчеркивает Минк, исторический опыт всецело динамичен и невообразим как направляемый предустановленной логикой диалектического самодвижения Духа на пути к свободе. Однако одновременно Минк отмечает, что внутренняя трансформация исторического опыта подчинена логике синтетического единства абстрактного и конкретного, которую Коллингвуд заимствует у Гегеля. Отдельные абстрактные моменты исторически намеченных ступеней опыта «снимаются» в конкретной целостности его временного саморазвития. Интерпретируя Коллингвуда, Минк принимает его вывод, что «в то самое время как объектом Науки является абстрактная универсальность, объект Истории утверждается в качестве конкретно универсального, что, по определению, является частью целого, существенные характеристики которого также являются характеристиками его частей» [12, р. 49]. Таким образом, если наука как форма опыта мыслится Коллингвудом как тяготеющая к рассудочной абстрактности своих продуктов, то история, напротив, разумно нацелена на постоянное рефлексивное движение мысли к никогда не завершенному конкретному состоянию, фиксируемому в настоящем. В этом смысле Коллингвуд вслед за Кроче усматривал ее подобие философии.

Не отказываясь от диалектики, Коллингвуд, по мысли Минка, пытается постигнуть конкретные формы опыта, имевшие место в истории, и понять их мыслительные предпосылки с позиций настоящего, переживаемого изучающим историю. При этом оказывается, что по своей сути это всегда новая задача, ибо вопрошающий о минувшем должен понять конкретный способ мысли, диктующий поступки того или иного исторического субъекта, группы людей, адресуясь одновременно к «универсальным» предпосылкам мировидения, принимаемым в той или иной культуре, и одновре-

менно отрефлексировать «универсальные» предпосылки собственного вопрошания о интересующих его событиях. Именно в этом плане Коллингвуд является теоретиком, чьи идеи воспринимаются Минком как значимые для понимания перспективы создания современных аналитических представлений о природе наррации.

Л.О. Минк и Р.Дж. Коллингвуд: опыт минувшего как источник повествования

Отправляясь от собственного понимания исторического опыта, Коллингвуд приходит, как полагает Минк, к видению природы наррации относительно событий минувшего, сопряженного с настоящим. Все дело в том, что отказ от истолкования опыта истории в перспективе единого принципа диалектико-логического саморазвертывания в духе учения Гегеля неминуемо ведет к вопрошанию о каком-то ином пункте, задающем горизонт его целостного обозрения. Таковым оказывается момент настоящего, который позволяет осмыслить целое истории и отдельных ее фрагментов. Минк полагал, что Коллингвуд справедливо усматривал в настоящем отправную точку осмысления целостности истории и ее событийных составляющих при создании повествования как особого типа фиксации происходящего в потоке времени. Принятие Коллингвудом настоящего как исходной точки наррации задает, в трактовке Минка, родство его воззрений, с одной стороны, с позицией экзистенциальной мысли, а с другой – с платформой прагматизма. Конечно же, такая интерпретация Минком построений Коллингвуда возникает в ходе рефлексии созвучия его идей общей панораме философской мысли минувшего столетия. В этой перспективе коллингвудианское наследие действительно воспринимается «экзистенциально» и «прагматико-презентистски» акцентированным, «вплетенным» в ткань переживания коллективного праксиса и личностного звучания событий настоящего. Однако, даже если дистанцироваться от такого контекста прочтения мысли Коллингвуда, все равно очевидно, что «слово» гегелевского подхода к историческому опыту оборачивается неминуемой ориентацией на его осмысление в свете настоящего.

Коллингвуд, как известно, хорошо видел последствия и возможные варианты отказа от гегелевской диалектико-логической стратегии аналитики исторического опыта. Альтернатива, которая вырисовывалась, ему представляла в противоположных вариантах историописания – бескрылой эмпирически ориентированной «истории ножниц и клея» или же обращению к критико-вопрошающей истории, ориентированной на ресурс «априорного воображения» [5, с. 368–369]. Коллингвуд избирает второй вариант обращения к «логике вопроса и ответа», поскольку именно он сулит возможность прочтения минувшего в перспективе настоящего как несущего новое смыслопорождение. Минк считает такой взгляд на задачу исторического исследования всецело оправданной и перспективной. Именно на этот

подход он опирается при создании собственного истолкования природы и задач исторического повествования.

Историческое мышление представляется Коллингвуду движимым силой априорного воображения, способного, апеллируя к историческому опыту, выстроить последовательность избираемых для рассмотрения событий минувшего, их взаимосвязи [9, р. 223]. Опыт истории рисуется им как всегда востребованный в контексте настоящего и связанный с творческой активностью мысли субъекта, способной вопрошать минувшее и искать ответы. «Историческое воображение, – пишет он, – отличается от других форм воображения не своей априорностью, а тем, что у него особая задача – вообразить прошлое. Это прошлое не может быть объектом чьей бы то ни было перцепции, т. к. оно уже не существует в настоящем, но с помощью исторического воображения оно становится объектом нашей мысли» [6, с. 230–231]. Коллингвудианское истолкование феномена априорного исторического воображения было воспринято Минком и стало отправным моментом его размышлений о природе наррации. Прежде всего, внимание Минка привлекает тезис Коллингвуда о даре историка воспроизвести то, чего уже нет, воскрешая представления памяти и осмысливая их содержание. В размышлениях Коллингвуда о специфике исторического воображения вырисовывается такая характеристика, как способность реконструкции образа минувшего, опирающаяся на представления о событиях, получаемых путем обращения к избираемым источникам, а также материалу, черпаемому из жизненного опыта современности и позволяющему дополнить гипотетически те обстоятельства, которые принципиально неизвестны, составляют некоторые, порой невосполнимые, лакуны и могут быть введены в рассказ о случившемся усилием мысли создателя наррации. Получается, что образный материал представлений о минувшем, опыт прошлого, возвращенный к жизни при прочтении источника, в сочетании с опытом настоящего, а также с критической мыслительной активностью историка составляют основание для создания цепи представлений относительно интересующих его событий, которым он адресует свои вопросы.

Размышляя о роли априорного воображения в контексте исторического исследования и повествования, Минк акцентирует значимость процедуры мыслительного «проигрывания» осознанных операций субъектов исторического действия, которая была разработана Коллингвудом. Действительно, этот момент работы априорного воображения основательно проработан Коллингвудом на базе осмысления кантовского дуалистического противопоставления мыслительных интенций исторических субъектов и их действий в реальной истории, описываемых в объектно-вещном содержании, принадлежности к событийному миру, его детерминации. Минк, однако, не до конца осознает, что деятельность априорного воображения шире по своему объему и задачам, чем только мыслительное «проигрывание» сознательного сопровождения деяний исторических субъектов. Ведь в нем

проигрываются целостные ситуации, производящие их многообразные составляющие, без которых невозможно представить взаимодействие субъектов, и все они входят в качестве абстрактных звеньев в предполагаемую конкретику цепи событий, составляющих предметность реконструируемого фрагмента истории, который изучается исследователем минувшего в свете поставленной им проблемы. Определенный в источниках опыт истории вместе с индивидуальным опытом служат априорному воображению для создания интересующей историка цепи событий путем дискурсивного обсуждения известного и реконструкции неизвестного – лакун, восполняемых рациональным путем, и создания затем правдоподобных представлений о минувшем, образных схем, необходимых для построения связного и непротиворечивого повествования. В целом, априорное воображение должно позволить воспроизвести определенную картину произошедшего, и в этом смысле вывод Коллингвуда вполне сопоставим с идеей Л. Витгенштейна о «картинности» языка. Это обстоятельство, по всей видимости, не могло уйти от внимания Минка, когда он приступал к созданию собственного варианта теории исторической наррации на базе синтеза коллингвудианской мысли и лингвистической философии (см. [7, с. 73–92]).

Нетрудно заметить при этом, как отмечает Коллингвуд, что построение представлений о прошлом и возникающее на их основе повествование во многом зависят от постановки вопросов, которые выдвигаются историком, и того доопытного фона, на который они опираются. Вопросы эти варьируются по содержанию и степени общности, могут носить частный или универсально-философский характер. Осмысленность этих вопросов соотносима с теми конкретными или же универсально-всеобщими основаниями, из которых они вырастают. «По крайней мере некоторые предпосылки, именуемые Коллингвудом “абсолютными предпосылками”, – замечает Минк, – залегают столь глубоко в мысли, что они выявляются только при ретроспективном анализе; в этом отношении, по крайней мере, мы в состоянии познать чье-нибудь сознание лучше, нежели он может это сделать сам, и в то же время лучше, нежели мы можем постигнуть наше собственное» [11, р. 205]. Историки могут выдвигать множество частных вопросов, ответы на которые позволяют организовать отдельные моменты повествования путем обращения к материалу источника или же умозрительного допущения определенных событий, относительно которых нет точных свидетельств. Одновременно априорное воображение может опираться на некоторые варьирующиеся в истории метафизические положения, отталкиваясь от которых выстраивается целостное видение истории, в кадре которого берется и исследуемая проблема. Вслед за Коллингвудом Минк принимает существование в формате априорного воображения идеи истории, которая задает перспективу видения любых процессов минувшего в смысловом единстве целостности всемирной истории. Принятие этой предпосылки не снимает вопроса о том, как «работает» метафизическое звено в организации целостного осмысления прошлого в его единстве с настоящим. Конечно же, при

этом стоит всерьез задуматься над самым способом создания метафизических предпосылок мысли, обращенной на постижение истории. Именно в этом контексте Коллингвуд и интерпретирует принимаемое им положение Кроче о тождественности истории и философии. Вслед за Кроче он полагает, что история в ее многообразии требует для постижения ее смысла философского основания, тогда как философия без обращения к истории вырисовывается как лишенная конкретного наполнения.

Обращение к проблеме специфики конструирования метафизических представлений – одно из стержневых направлений размышлений Коллингвуда, имеющее непосредственный «выход» в его представления об основаниях исторического познания. Коллингвуд не соглашается с возможностью обнаружения вечных и не подлежащих изменениям утверждений о природе бытия. В силу этого обстоятельства для него неприемлема та трактовка природы метафизики, которая звучит в сочинениях Аристотеля, отождествлявшего ее предмет с изучаемым теологией. Центром представлений метафизики как учения о вечных основах мироздания является онтология, с оправданностью притязаний которой на постижение чистого бытия Коллингвуд решительно не согласен. С его точки зрения, метафизика имеет право на существование, лишь обретая рефлексивный статус путем осознания историчности собственных положений [8, р. 71]. Рефлексивная метафизика не теряет при этом притязаний на их абсолютность и априорность. Это отличает ее положения от эмпирических констатаций различных отраслей науки, нуждающихся в верификации. Эмпирическое знание может делать осмысленным вопросы науки, хотя очевидно, что такой способностью обладают и теоретические научные схемы. Наделяя рефлексивную метафизику способностью фундировать постановку независимых от многообразия эмпирии относительных вопросов, Коллингвуд утверждает ее значимость в конституировании универсальных оснований научного знания (см.: [1, с. 202–207]). Его воззрения на значимость рефлексивной метафизики бросают вызов программе логического позитивизма. Они полярны и резко антиметафизической позиции Витгенштейна на всех витках ее эволюции, и поэтому Минк прилагает значительные теоретические усилия, чтобы синтезировать платформу лингвистической философии и коллингвудианское признание значимости положений рефлексивной метафизики в собственной программе видения исторической наррации.

Минк является философом, который наиболее полно среди теоретиков англо-американской аналитической философии истории наметил возможность синтеза платформы лингвистической философии и идей Коллингвуда применительно к построению теории исторического нарратива. Задачей этой работы является не подробная характеристика предложенного им сценария создания исторической наррации, а выявление главных моментов, которые характеризуют единство его стратегии рассмотрения взаимосвязи исторического опыта и повествования.

Первым моментом, свидетельствующим в целом о наличии подобного рода солидарной позиции двух авторов, можно считать то, что Минк прямо прибегает к теории априорного воображения Коллингвуда при определении характера исторической наррации. В своем понимании опыта Минк опирается на Коллингвуда, но пытается по-своему интерпретировать его подход, заключая, что опыт является интегральным единством восприятий, представлений памяти и понятийных обобщений, а также работы воображения в потоке времени, соединяющим прошлое и настоящее в мире субъекта, разделяющего его с другими людьми [11, р. 48–49]. Если так, то опыт, при посредстве которого мы устанавливаем свое отношение к различным реалиям мира, является основой континуума различных форм понимания – от науки и философско-категориального варианта такового до конфигуративного типа, представленного созданием повествований, историй литературного и академического плана (см.: [10, р. 24–47]). Очевидно, что такой взгляд на исторический по своей сути опыт опирается на синтез построений Коллингвуда с идеями философии жизни и экзистенциальной герменевтики. Минк этого никак не скрывает, хотя подробно и не комментирует. Историческую же наррацию он характеризует как специфическую познавательную форму и инструмент конструирования повествования на базе априорного воображения [11, р. 199]. Размышляя о целостности исторической наррации, ее сходстве и отличии от художественного повествования, реализации замысла таковой через определенное композиционное решение, соотношение с данными источников и т. д., он так или иначе находится в фарватере наследия Коллингвуда.

Вторым значимым моментом, позволяющим говорить о связи понимания Коллингвудом и Минком исторического опыта и наррации, является тема роли метафизики как организующего звена постижения минувшего. «Я сам полагаю, – заявляет он, – что эпистемология и метафизика предполагают друг друга: это означает, что любая адекватная теория познания будет обладать признанными или непризнанными метафизическими предположениями о том, что может и не может быть познано, и любая метафизика должна быть способной по крайней мере объяснить, если она будет истинной, как мы пришли к ней» [11, р. 152]. Минк не склонен принимать реалистической перспективы в истолковании содержания исторического исследования, но одновременно он утверждает, что за игрой априорного исторического воображения всегда угадывается абрис «нерассказанной истории» и контуры идеи истории, взывающей к постижению ее смыслового единства как неперемennого условия понимания любого фрагмента целостности минувшего. Тем самым, им постоянно проводится мысль о важности существования критически обоснованных историсофских обобщений внутри аналитической традиции.

Выводы

Воззрения Р.Дж. Коллингвуда об историческом опыте и его связи с нарративом о минувшем обусловлены предпринятой им критической ревизией постановки этого вопроса в наследии Гегеля. Для Коллингвуда оказалась совершенно неприемлемой гегелевская трактовка исторического опыта как всецело заданного диалектикой поступательного и логически predetermined восхождения Духа по пути к свободе в контексте развертывания всемирной истории. Подобно Кроче, Коллингвуд не принял панлогизм и системосозидание гегелевского теоретизирования, наложивших свой отпечаток на присущий ему способ трактовки исторического опыта и опирающуюся на него интерпретацию смыслового содержания всемирной истории. Коллингвуд полагал, что Гегель, в силу следования имманентному его учению способу философствования, не сумел выполнить свое обещание относительно написания философской истории. Для этого необходимо было создать понимание исторического опыта как постоянного процесса саморефлексии мыслью во времени своих наличных, абстрактных состояний в динамике движения к потенциальной конкретной целостности, подразумевающего единство прошлого и настоящего. Одновременно Коллингвуд апеллировал к крочеанской интерпретации единства истории и философии. На этой базе он построил свое видение исторического познания и повествования, подразумевая их обусловленность способностью работы с материалом опыта минувшего на основе априорного воображения при опоре на идею истории.

Этот круг идей был воспринят одним из ведущих теоретиков англо-американской аналитической философии истории Л.О. Минком, который создал собственный вариант понимания исторического опыта и его взаимосвязи с нарративом. Осуществляя синтез воззрений Коллингвуда и Витгенштейна, Минк полагал, что исторический опыт может быть понят как конкретная тотальность постоянно осуществляющейся во времени связи восприятий, рождаемых в настоящем, с представлениями памяти и нескончаемой работой воображения. Поскольку исторический опыт способен питать различные типы понимания мира, Минк говорит о необходимости отрефлексировать отличие такого продукта априорного воображения как исторический нарратив не только от художественного повествования, но и от теоретического и философско-категориального постижения мира. В контексте разработанной им теории исторического повествования Минк показывает познавательные, лингво-семиотические и аксиологические особенности такового, выявляет возможности сочетания в его формате конкретного материала и философско-спекулятивного компонента на фоне присутствия в сознании историка неустрашимой идеи истории.

Список литературы

1. Ануфриева К.В. Рефлексивно-метафизические основания исторического познания: Л.О. Минк и Р.Д. Коллингвуд // *Метафизика и постметафизическое мышление*. Под ред. И.И. Блауберг и А.М. Гагинского. М.: Академический проект, 2020. С. 200–218.
2. Гегель Г.В.Ф. *Философия истории* // Гегель Г.В.Ф. *Сочинения*. Т. VIII. М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1935. 470 с.
3. Гегель Г.В.Ф. *Философия права*. М.: Мысль, 1990. 525 с.
4. Губман Б.Л. *Смысл истории*. М.: Наука, 1991. 192 с.
5. Коллингвуд Р.Д. *Автобиография* // Коллингвуд Р.Д. *Идея истории*. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 321–418.
6. Коллингвуд Р.Д. *Идея истории* // Коллингвуд Р.Д. *Идея истории*. Автобиография. М.: Наука, 1980. С. 5–320.
7. *Лингвистический поворот и историческое познание* / под ред. Б.Л. Губмана и К.В. Ануфриевой. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2021. 294 с.
8. Collingwood R.G. *An Essay of Metaphysics*. Oxford: Oxford University Press, 1948. 354 p.
9. Collingwood R.G. *The Principles of History*. Oxford: Oxford University Press, 1999. 293 p.
10. Mink L.O. *The Autonomy of Historical Understanding* // *History and Theory*. 1966. № 5. P. 24–47.
11. Mink L.O. *Historical Understanding*. Ed. by Fay B., Colob E.O., Vann R.T. Ithaca; London: Cornell University Press, 1987. 294 с.
12. Mink L.O. *Mind, History, and Dialectic. The Philosophy of R.G. Collingwood*. Bloomington; London: Indiana University Press, 1969. 276 с.

HISTORICAL EXPERIENCE AND NARRATIVE: R.G. COLLINGWOOD AND L.O. MINK

K.V. Anufrieva

Tver State University, Tver

The article focuses on the problem of the relationship between historical experience and narrative in the philosophical heritage of R.G. Collingwood and L.O. Mink. Turning to Collingwood's legacy, the author reveals the fundamental difference between his approach to historical experience and the way of his vision, developed in the philosophy of G.W.F. Hegel. Rejecting, under the influence of B. Croce, the substantialist method of Hegelian theorizing, Collingwood emphasizes that historical experience is a process of reflexive comprehension of abstract thought foundations of certain stages of historical development on the path of its concrete reproduction as an integral totality in the perspective of the present. The theory of a priori historical imagination and the assertion of the significance of the idea of history, which sets the meaningful perspective of the vision of the past as a unified whole, form the basis of Collingwood's theory of historical narrative. Synthesizing the ideas of L. Wittgenstein and Collingwood, Mink creates an original interpretation of the unity of

historical experience and narrative. The article shows that his vision of historical experience comes from the unity in its context of perception of the phenomena of the present, recollections of memory, and the work of a priori imagination. On the basis of his own theory of understanding, Mink proposed an original interpretation of historical narrative as a form of activity of a priori imagination. Within the boundaries of the analytical philosophy of history, he asserts the significance of the idea of history, the possibility of a productive role of critical metaphysics for comprehending the past in the light of the present.

Keywords: *historical experience, narrative, neo-Hegelianism, linguistic philosophy, a priori imagination, logic of question and answer, idea of history.*

Об авторе:

АНУФРИЕВА Карина Викторовна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: carina-oops@mail.ru

Author information:

ANUFRIEVA Karina Victorovna – PhD, Assoc. Prof., Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: carina-oops@mail.ru